

— Ли Сяохо!

Юноша неподвижно покачивался на зеркальной глади озера. Сквозная рана от удара мечом зияла на его груди; кровь, густо пропитав одежды, расплывалась в воде багровым облаком. Лицо бедолаги казалось бледнее бумаги.

Рядом с ним, мерно покачиваясь на волнах, покоилось замотанное в пыльные бинты иссохшее тело. Сквозь плотные повязки мумии виднелись лишь неподвижные, остекленевшие глаза.

Минну замер. Вид этой страшной раны пробудил в его памяти смутное воспоминание: в прошлой жизни, примерно в это же время, он и сам лежал израненный... Вот только остриё меча тогда пробило его тело в другом месте.

Сейчас Цзянь Сюэхэ не было рядом, и Ли Сяохо пострадал исключительно по его вине.

Захлебнувшись внезапным чувством вины, Минну понял, что медлить нельзя. Он поспешил вытащить юношу на берег.

Вскинув раненого на спину, А-Ну на мгновение помедлил и оглянулся. До мумии ему теперь не было дела — скользнув по ней быстрым взглядом, он решительно отвернулся.

У Мэй Ханьцзюэ крик застрял в горле. Колеблясь между желанием позвать на помощь и благоразумным молчанием, он в конце концов выбрал последнее и притворился мёртвым, тихонько лежа на земле.

Болото лежало в самой глуши Тёмного леса. Пробравшись сквозь чащу с тяжёлой ношей на плечах, Минну отыскал сухое, укрытое от ветра место и бережно опустил раненого на землю.

Они всё ещё находились внутри фрески, но у А-Ну с собой, по счастью, нашлось немного целебных снадобий. Отбросив ложную стыдливость, он торопливо распахнул промокшие одежды юноши. Рана, размякшая от озёрной воды, выглядела ужасающе: края побледнели, а в самом центре, там, где опаляющий удар меча прожёл плоть до кости, тускло белели рёбра. Кровь продолжала толчками сочиться наружу.

Прикоснувшись к груди Ли Сяохо, Минну вздрогнул — кожа того так и пылала. «Неужели от ранения мечом может так лихорадить?» — озадачился он, но раздумывать было некогда. Щедро засыпав рану целебным порошком, он оторвал от своей нательной рубахи лоскут посуше и кое-как перевязал грудь юноши.

— Ли Сяохо? — негромко позвал Минну, склонившись к его лицу, но тот лежал без сознания и не отзывался.

«И зачем только я позволил тебе пойти со мной...» — с грустной тревогой подумал А-Ну.

Он достал из-за пазухи огниво. Сушняка в Тёмном лесу хватало; вскоре между влажных стволов заплясали весёлые языки костра.

Место их привала находилось неподалёку от недавнего болота, превратившегося теперь в песчаную отмель. Смочив платок в прохладной воде, А-Ну бережно опустил его на пылающий лоб юноши.

В прошлой жизни он точно так же ухаживал за Цзянь Сюэхэ.

В чаще было куда холоднее, чем снаружи. Боясь, что раненый замёрзнет в этой сырости, Минну поудобнее устроил его голову у себя на коленях и укрыл полами своего сухого дорожного плаща.

В этот момент юноша, лежавший на его коленях, зашевелился.

Сквозь прорези маски младенца-призрака приоткрылись веки, и взору Цзянь Сюэхэ предстало лицо склонившегося над ним Минну. Тот осторожно поправлял влажный платок на его лбу, опустив свои чистые, ясные глаза. В каждом его жесте, в каждом мягком касании сквозила неизбывная, щемящая нежность.

— Очнулся? — у Минну отлегло от сердца. — Я уже отправил весточку старшему брату Сунцзину, но он, скорее всего, сейчас занят и не может прийти на выручку.

Он тихонько коснулся плеча раненого:

— Сильно болит?

Цзянь Сюэхэ полулежал, опираясь на его грудь. Из-за сильного жара мысли путались, сознание то и дело ускользало, а при каждом вздохе острая боль пронзала всё тело. Он попытался приподняться, но тщетно — слабость сковала мышцы, а мягкие, но настойчивые ладони Минну тут же прижали его обратно к земле.

— Не двигайся, — попросил А-Ну. — Снова кровь пойдёт.

Минну удерживал его, снедаемый тревогой за Сунцзина и страхом за жизнь своего спутника. В его душе боролись сомнения. Холодную яшмовую траву добыл Ли Сяохо, и сам А-Ну не имел на неё никаких прав.

Окажись на месте раненого Цзянь Сюэхэ, Минну, пожалуй, затаил бы обиду и ни за что не отдал бы такую драгоценность. Но перед ним лежал Ли Сяохо — его первый настоящий друг, который всегда относился к нему по-доброму.

— Вот, держи... — Минну бережно вложил в горячую ладонь юноши зеленоватый стебель Холодной яшмовой травы. — Лежи тихо. Я пойду разыщу старшего брата Сунцзина, чтобы он помог тебе выбраться отсюда.

Цзянь Сюэхэ опустил взгляд на свою ладонь, и его взор замер на редчайшем артефакте.

— Ты ведь не знаешь, что это такое? Хотя чутьё наверняка подсказывает тебе, насколько ценна эта вещь, — негромко проговорил Минну. — Это легендарная Холодная яшмовая трава. Она способна переродить тело, очистить меридианы и невероятно помочь в самосовершенствовании. Ты добыл её, рискуя собственной жизнью. Когда выберешься, сможешь выгодно продать её какому-нибудь знатному ордену.

Минну немного колебался, но так и не решился упомянуть о щедрой награде, обещанной Цзинь Линсянем. Третий принц — человек скользкий и опасный, и связываться с ним простодушному Ли Сяохо явно не следовало.

С этим лицемером любил водить дружбу только Цзянь Сюэхэ — два сапога пара.

— Жди меня здесь, я быстро.

Ощупав складки одежды раненого, Минну отыскал припрятанный «Череп призрака» и аккуратно втиснул костяной амулет под край маски, прямо в приоткрытый рот юноши.

Он бережно протолкнул безделушку внутрь, заметив в глазах Сюэхэ глухое сопротивление. Опасаясь за его безопасность, Минну для верности расклеил вокруг несколько защитных талисманов.

— Я тебя не брошу, — тихо пообещал А-Ну, перехватив его странный, неотрывный взгляд. Он мягко сжал горячие пальцы друга, и его голос зазвучал ещё нежнее.

Пальцы Цзянь Сюэхэ сжимали прохладный стебель. Легендарная Холодная яшмовая трава была истинным сокровищем для тех, кто упустил лучшее время для начала духовного пути. Минну сам отчаянно нуждался в подобном чуде, но сейчас, ни на секунду не задумавшись, отдал драгоценность ему — точнее, тому, чью личину он сейчас носил.

Когда А-Ну поднимался на ноги, его движения казались чуть неловкими. Недавно в болоте за его лодыжку цеплялись мелкие пакостные духи, и теперь сустав пронзило ледяным холодом. Из-за этого он шёл медленнее обычного, слегка прихрамывая.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, идущий впереди Минну остановился и оглянулся. На его губах заиграла кроткая, ободряющая улыбка, сделавшая его чистое, тонко очерченное лицо удивительно мягким.

Этот тёплый силуэт — последнее, что запечатлелось в памяти засыпающего Цзянь Сюэхэ перед тем, как тьма окончательно поглотила его сознание.

Сколько он шёл среди раскачивающихся на ветвях безжизненных тел, Минну и сам не знал, пока впереди не мелькнула алая вспышка.

Сквозь пелену клубящегося тумана доносился далёкий звон стали и глухой рокот. Вскоре А-Ну разглядел защитный барьер у корней старого дерева, внутри которого полулежал прислонившийся к стволу Цзянь Сюэхэ.

На его щеке алела неглубокая царапина, но в целом он выглядел невредимым.

Минну невольно ощутил укол разочарования. Впрочем, сейчас ему было не до Сюэхэ. Внезапно небо над чащей расколола ослепительная белая вспышка, и удушливый чёрный туман мгновенно растаял в воздухе.

Из рассеивающейся дымки неторопливо вышел Сунцзин. На его ладони парила тускло сияющая золотая насадка-колокольчик, внутри которой метался едва различимый призрачный силуэт — пленённый призрак в алых одеждах.

— Старший брат Сунцзин! — позвал Минну.

Сунцзин хотел было предупредить его, чтобы тот не приближался, но юноша уже бежал к нему навстречу. Ключья чёрной скверны устремились к проходящему мимо А-Ну, однако, не успев даже коснуться подола его одежд, бесследно растворялись в воздухе.

Сунцзин удивлённо прищурился. Минну тем временем подбежал совсем близко и с нескрываемым восхищением уставился на покачивающийся в его руке золотой колокольчик.

— Ты одолел эту тварь?

— Да, — кивнул Сунцзин. — Но давай сначала выберемся отсюда, Минну. Здесь небезопасно.

На тыльной стороне ладони Сунцзина темнел глубокий порез, сочащийся ядовитой чёрной кровью — след когтей свирепой нечисти. С тихим вздохом он взмахнул рукой, снимая защитный купол, укрывавший Цзянь Сюэхэ и Мэй Ханьцзюэ.

— Старший брат, нужно срочно спасать Ли Сяохо! — взволнованно заговорил Минну. — Он тяжело ранен!

— Где он? — быстро спросил Сунцзин.

Не успел Минну ответить, как по каменному телу исполинской статуи Змеиной Матери с оглушительным треском побежала глубокая трещина. Тёмный лес вокруг начал истончаться, а земля под ногами пошла ходуном.

— Иллюзия рушится! — выдохнул Сунцзин.

Подхватив раненых Цзянь Сюэхэ и Мэй Ханьцзюэ, они вместе с Минну поспешили вглубь тающего леса к месту привала. Забрав бесчувственного Ли Сяохо, они единым рывком ринулись прочь из распадающегося пространства фрески.

По дороге Мэй Ханьцзюэ пришёл в себя и уже мог держаться на ногах самостоятельно. В тот миг, когда они перешагнули границу фрески, глаза Минну на мгновение ослепила яркая белая вспышка.

Когда зрение вернулось, он обнаружил, что они стоят посреди старой часовой башни, а перед ними выстроились несколько человек. Впереди стоял Цзинь Линсянь в окружении учеников Академии Пути Меча.

Заметив Сунцзина, Наследный принц облегчённо вздохнул, после чего перевёл хмурый взгляд на бесчувственных Ли Сяохо и Цзянь Сюэхэ.

— Сунцзин, мы получили твой призыв и поспешили на помощь, — произнёс Цзинь Линсянь.

— Со мной всё в порядке, — отозвался Сунцзин. — А вот младшим братьям досталось. Один из них ранен очень тяжело. Заберите его немедленно и возвращайтесь в орден, а перед старейшинами я отчитаюсь сам.

Двое сопровождавших принца учеников переглянулись и бережно перехватили обмякшее тело Ли Сяохо.

— Сунцзин, а как же ты?.. — начал один из них.

— Здешние дела ещё не закончены, нужно замести следы, — отрезал тот. — Я остаюсь.

Спорить никто не стал. Ученики поспешили прочь, унося раненого. Цзянь Сюэхэ на секунду замешкался, но затем молча последовал за ними.

Минну это показалось странным: проходя мимо, «Цзянь Сюэхэ» вдруг оглянулся и посмотрел на него. В этом взгляде не было привычного ледяного равнодушия — напротив, в нём сквозила молчаливая поддержка.

— Эй, подождите меня! — Мэй Ханьцзюэ тоже засуетился. Бросив быстрый взгляд на Сунцзина, он негромко добавил: — Старший брат, дело принимает скверный оборот. Обсудим всё, когда вернётесь.

Минну растерянно смотрел им вслед, пока все трое не скрылись из виду вместе с сопровождающими. В полумраке башни остались лишь он, Сунцзин и Цзинь Линсянь.

Сунцзин тем временем торопливо обработал порез на ладони целебной мазью и ласково потрепал Минну по голове:

— Не переживай за них, в Академии о них позаботятся как следует.

А-Ну лишь покорно кивнул. На душе у него было скверно: нынешняя вылазка оказалась совершенно бесполезной. Он не только не сумел свести счёты с Цзянь Сюэхэ, но и лишился драгоценной Холодной яшмовой травы.

— Ну и как успехи? — подал голос Цзинь Линсянь.

Затянув узел на свежей повязке, Сунцзин извлёк золотой колокольчик:

— Нам противостояла нечисть третьего ранга. Более того, на неё было наложено злое проклятие. Нужно во всём разобраться.

— Проклятие?

— Да, его след ведёт к самому Призрачному Лорду Юциню. Кто именно наложил его на девицу — пока загадка.

Минну бросил взгляд на золотой колокольчик. Его верхняя часть была прозрачной, и сквозь неё виднелся призрак в алых одеждах. Облик несчастной женщины наконец очистился от скверны и принял прежний, прижизненный вид, но выглядела она до того истощённой, словно её бесплотное тело вот-вот растворится без следа.

— Ну вот, Минну, теперь мы остались вдвоём, — с мягкой улыбкой произнёс Сунцзин, отвлекаясь от мрачных мыслей. — Рад, что ты уцелел в этой заварухе. До конца испытания держись поближе ко мне.

Он ласково подтолкнул юношу к выходу:

— Поскольку они вернулись раньше срока, их результаты за это задание наверняка аннулируют. Так что у тебя есть все шансы обойти их по баллам.

Цзинь Линсянь промолчал, лишь недовольно поморщился. Заметив, что Минну всячески избегает его общества и явно недолюбливает, принц не стал навязываться и просто молча следовал за ними.

— Что ж, раз драгоценности здесь не оказалось, я скоро покину эти места, — сухо обронил он.

А-Ну поспешно отвёл глаза. Он молчал о том, что отдал Холодную яшмовую траву раненому Ли Сяохо — об этой тайне принцу Цзинь Линсяню знать было незачем.

Сунцзин коротко кивнул, и на этом они распрощались с Его Высочеством.

— Старший брат, мы возвращаемся в орден? — робко спросил Минну. Ему не терпелось узнать, как там Ли Сяохо.

— Нет, сначала заглянем в дом Цинь Ляньцзюнь, — терпеливо пояснил Сунцзин. — Похоже, ты ещё не до конца понял, с кем мы имели дело. Она и есть та самая третья супруга молодого господина Чжэна. Я полностью восстановил картину её гибели.

У Минну от изумления округлились глаза:

— Старший брат... как тебе удалось разузнать всё так быстро?

Сунцзин усмехнулся, бросив на него лукавый взгляд:

— А как иначе? Если бы я ждал, пока вы во всём разберётесь, этот призрак либо утащил бы вас на тот свет прямо внутри фрески, либо, почуяв неладное, давно сбежал бы из города.

Минну смущённо опустил голову. Ему стало неловко от собственного бессилия — все зацепки нашёл Сунцзин, тогда как они сами лишь путались под ногами.

Словно угадав его мысли, Сунцзин приобнял его за плечи:

— Перестань, ты отлично справился. Вот вернёмся в обитель, и я лично займусь изучением твоих скрытых меридианов. Договорились?

От этих слов сердце А-Ну радостно затрепетало. Старейшина как-то упоминал о его необычном телосложении, но сам юноша никогда не решался просить о помощи. Сейчас от избытка чувств его щёки залил яркий румянец, и он поспешно кивнул.

Они вернулись в город. У Сунцзина уже была подробная карта окрестностей. Впервые в жизни Минну почувствовал, каково это — иметь рядом надёжного, сильного спутника. Ему самому не

приходилось ни о чём беспокоиться, ведь старший брат просчитывал каждый шаг наперёд.

А-Ну смотрел на него теперь с немым обожанием.

Скромное жилище Цинь Ляньцзюнь ютилось на самой восточной окраине городка. Из-за разгула нечисти большинство местных жителей давно покинули эти края, и лишь в нескольких усадьбах теплилась жизнь. Старый дом покойной девицы пустовал.

Скрипнула тяжёлая калитка. Ветхий дворик, заросший бурьяном в человеческий рост, спал под плотным саваном серой пыли. Всё здесь оставалось нетронутым с тех самых пор, как беда пришла в эту семью.

— Девушка рано осталась без матери, — негромко рассказывал Сунцзин, ступая по заросшей тропинке. — Они с отцом держали небольшую лавку снадобий. Старик тяжело болел, и Ляньцзюнь с утра до ночи ухаживала за ним, почти ни с кем в городе не общаясь.

Убранство комнат оказалось на редкость скромным. Повсюду на полках сиротливо пылились глиняные горшки с давно высохшими, рассыпавшимися в прах травами. Единственная дочь сгинула прямо по дороге к свадебному алтарю, а убитый горем старик остался доживать свой век в одиночестве, разбитый параличом.

Нетрудно было представить, что случилось дальше. Осмотрев заброшенные комнаты, Минну убедился, что мародёры вынесли отсюда всё мало-мальски ценное. Лечебные корни и утварь давно растащили, оставив лишь то, что не имело никакой цены для чужаков.

На деревянных столбах веранды всё ещё виднелись полустёртые зарубки — расписание приёма лекарств для больного отца. На колченогом столе валялись обломки костяного гребня, черепки дешёвой вазы и стопка пожелтевших от времени бумаг.

Минну наугад открыл одну из тетрадей. Строчки были выведены аккуратным, но на удивление твёрдым, размашистым почерком. Наверняка за внешней кротостью девицы скрывался негибачый, волевой характер.

Ветхий дневник, у которого не хватало доброй половины страниц, содержал подробные записи о состоянии здоровья старика и редкие путевые заметки о повседневных хлопотах.

Минну перевернул потрёпанный лист и вдруг замер. На этой странице Цинь Ляньцзюнь записала стихотворение.

Чистый ключ журчит, устремляясь к небесным высям.

Тело моё — точно ивовый пух, а сердце — бездонная пропасть.

Оглянусь назад — и не вымолвить слов,

Лишь томлюсь в надежде на скорую встречу.

Эти строки показались ему смутно знакомыми.

— Что там у тебя? — спросил Сунцзин, заглядывая ему через плечо.

— Старший брат... Помнишь, когда мы осматривали комнату молодого господина Чжэна? Перед уходом я немного обыскал её.

Минну вспомнил, что спрятал тогда за пазуху обрывок бумаги. Он торопливо похлопал себя по груди и извлёк на свет аккуратно сложенный листок. Тот успел изрядно промокнуть, но чернила, по счастью, не расплылись, и текст всё ещё можно было разобрать.

— Вот это написал молодой господин Чжэн...

Минну разгладил бумагу на столе, положив её рядом со старым дневником. Обе поэмы были написаны разными почерками, но первые строки совпадали почти слово в слово. Различались лишь последние двустишия.

В дневнике Цинь Ляньцзюнь значилось:

Оглянусь назад — и не вымолвить слов,

Лишь томлюсь в надежде на скорую встречу.

А на листке молодого господина Чжэна было выведено:

Оглянусь назад — и не вымолвить слов,

Лишь в разлуке молю о грядущей доле.

<http://bllate.org/book/20439/2185728>